Юлия Соло

КОРНИ НАВИ

Старые боги. Книга

18+

Юлия Соло

Слепые боги. Книга 1. Корни Нави

«Автор»
2026

Соло Ю.

Слепые боги. Книга 1. Корни Нави / Ю. Соло — «Автор», 2026

Земля не помнит молитв — она понимает только язык СНиПов и калорий. 980 год. В вымерзающей пади религия — это аварийный регламент выживания. Старейшина Торх рассчитывает массу человеческого мяса для заложения под фундамент, а Перун — это громоотвод, шунтирующий небо вглубь Русской плиты. Одоба — следопыт, чья кость улавливает тектонический гул Сварогова железа. Став палачом контура, он принимает удар Нави, превращая руку в антрацитовый проводник. Он решает завязать узел-трикстер, чтобы закоротить систему.2026 год. Москва. Кабель-канал под горящим Сити. Инженер Макар фиксирует критический пробой. Автоматика выгорела. Чтобы спасти мегаполис от блэкаута, он вручную вгоняет клемму заземления в пласт метеоритного антрацита.Вспышка в будущем и реверс в прошлом происходят одновременно. Оголенные клеммы одного кабеля соприкасаются сквозь тысячу лет. Морозилка выключилась наглухо. Мясо первородного долга оттаяло, пустив по кабелям столицы вечный белый шум Нави.

© Соло Ю., 2026
© Автор, 2026

Юлия Соло
Слепые боги. Книга 1. Корни Нави

Автор: Юлия Соло.

СЛЕПЫЕ БОГИ. Книга 1. КОРНИ НАВИ
Акт I. Экспозиция.
Глава 1. Землянка.

Ладони Одобы не горели. Они были мертвыми. Сине-серыми от въевшегося в поры барсучьего жира и холодной, склизкой глины. Он сидел на корточках посреди полуземлянки, низко опустив голову, чтобы едкий, неперебродивший дым очага не выжигал окончательно остатки слезящихся, воспаленных глаз. В норе пахло кислым человеческим потом, застарелой мочой, которой старухи в углу вымачивали лосиные шкуры для дубления, и тяжелым, маслянистым запахом прелого оленьего мозга. Воздух здесь был густым, как болотная жижа. Он стоял в легких, забивая гортань мелкой, колючей сажей. При каждом выдохе Одоба чувствовал, как слизистая носа покрывается сухой, известковой коркой. Кожа на щеках высохла, превратившись в жесткий луб, который стягивало при малейшем движении челюсти. Тело стремительно впитывало в себя сырость подпола, замещая остатки живого человеческого тепла тяжелым потенциалом Нави, сочившейся из подтапливаемых нижних венцов сруба.

Одобу тошнило от вида сырого парного мяса и треб, которые Торх регулярно раскладывал на плоском камне у лаза. Он был вегетарианцем поневоле — каждая попытка проглотить кусок кабанины, сваренной в общем котле вместе с прелой осиновой корой, отзывалась в его желудке острой судорогой. Из-за этого в общине его считали порченым, «лишним ртом». Чтобы не сойти с ума от вечного бабьего ворчания и тяжелого взгляда старейшины, Одоба часами возился в самом темном углу, за перегородкой из ивового плетня. Там, на ставой подстилке из сухого тростника, лежал трехногий щенок-заморыш, которого охотники Добрыни хотели утопить в проруби еще три луны назад. Одоба отбил его тогда, отдал Некрасу последнюю костяную проколку. Сейчас пес лежал тихо, ткнувшись облезлым носом в его колено. Одоба медленно, стараясь не шуметь, чесал его за паршивым, покрытым лишаем ухом. Пальцы следопыта ловили слабое, быстрое биение живого собачьего сердца. Это было единственное теплое место во всей пади, не завязанное на кровь и требы. Щенок тихонько лизнул его треснувший от извести палец шершавым, горячим языком. Одоба сжал зубы, чувствуя, как к горлу подступает сухая, горькая ком обиды на этот выстуженный, расчетливый мир Торха.

Валюты в этот предзимний месяц в общине было всего две: сухой трутовик и полоска заветренного кабаньего сала, которую Торх держал под своей лавкой в окованном костью коробе. Одоба судорожно, ломая ногти, чиркал кремнем о кусок серого колчедана. Искры летели тусклые, рыжие, они мгновенно гасли во влажном воздухе норы. Пальцы отнимались от холода. Стоило Одобе сделать слишком резкое движение, как сухая кожа на сгибах фаланг трескалась с коротким хрустом, обнажая желтоватый, подсохший слой подкожного луба. Крови не было — сосуды внутри предплечий спазмировались от сырости, шедшей от земляного пола. Старуха в углу норы, не разжимая синих губ, лениво ворочала костяным шилом в лоскуте сыромятной кожи. Скрежет кости о высушенную шкуру был долгим, вибрирующим: вжжих-вжжих. Из-за очага поднялся Торх. Старейшина тяжело оперся на свой суковатый посох, обмотанный у комля лосиной жилой. От его лосиного кафтана несло паленым бараньим жиром и мокрой собачьей шерстью, которая примерзала к его ребрам всякий раз, когда он выходил наружу.

— Ну чё встал, щепа? — Торх тупо ткнул Одобу концом посоха прямо в подвздошную кость, заставив щенка испуганно забиться под лавку. — Шевели костями, пока лед ручей до самого дна не схватил. Проспишь огонь — бабы ночью синими куклами станут, а ров про-

мерзнет так, что и костяным топором не раздолбишь. Наваливай силу, руки у тебя как гнилой камыш. Глей на него — порченый...

Одоба не ответил. Горло забило сухой озоновой сажей от гнилых осиновых дров. Он взял костяной скребок, выточенный из берцовой кости лося, и вернулся к натянутой на дубовые колышки шкуре трехлетки. Мясо отходило неохотно, с липким, чавкающим звуком, оголяя белые, склизкие волокна сухожилий. Из прорехи на шкуре вывалилась жирная, ленивая личинка овода. Мухи продолжали виться над очагом, садясь на обветренные, потрескавшиеся губы спящих на лавках детей. В экономике их вымерзающего контура действовало жесткое правило: кто ест мясо, тот удерживает структуру. Слабые, лишенные пор и калорий элементы выбывали первыми, освобождая емкость общего заземления.

Он вылез сквозь узкий, обтянутый подгнившей кабаньей кожей лаз наружу, на волю. Но воли здесь не было. Ноябрьская ледяная крупа мгновенно ударила в лицо, заскрипела на гнилых зубах вяжущей соленой накипью. Никаких величественных столетних боров вокруг их межи не было. Была глухая, мокрая падь. Бескрайняя серая гниль, где вековые ели росли из болотной ржавчины, переплетаясь корнями так плотно, что полуденный свет оставался на мху грязными, сырыми пятнами. У самого входа в полуземлянку, уткнувшись мордой в обледенелый плетень, лежал дохлый кобель — лучший волкодав общины, издохший три дня назад от болотной сухоты. Его брюхо уже лопнуло от внутреннего гниения, и из раны лениво, толчками выползали мелкие, серые веретеницы, искавшие остатки тепла в остывающем мясе. Известковая едкая взвесь, поднимавшаяся от чанов, где бабы гасили щелочь для обмазки стен, выедала легкие младенцев. Они умирали беззвучно, задыхаясь белой сухой пеной. Земля высасывала их калории, консервируя кости в мертвеющем палеозое.

Каждый шаг по обледенелому насту отзывался тупым, ломящим ударом в коленях. Суставы выкручивало от сырости, которая не уходила из пади даже коротким летом. Род Одобы жил на этой меже четыре поколения, и за это время никто из мужчин не дожил до седых волос — кости превращались в пористую, хрупкую известняковую крошку под действием болотного сероводорода. Земля выпивала их медленно, забирая кальций из зубов и ребер для укрепления собственных глиняных пластов. Он взвалил охапку жердей на плечо, чувствуя, как мокрая кора давит на ключицы. За спиной, в сером ноябрьском тумане, Змиев вал дымил глубокими трещинами, отсчитывая такты процессора, который запустится только через тысячу лет под гусеницами экскаваторов «Нового Иерусалима».

Глава 2. Линейный досмотр.

В лесу пахло не смолой — пахло пережженным стеклом, тухлым костным мозгом и сплавленным кремнем. Ждан, староста лесного рода вятичей, пробирался сквозь завалы Выдубицкого залома, придерживая тяжелый костяной топор у бедра. Его суконные поршни давно промокли, промерзшая мокрая шерсть кафтана затвердела и колола кожу, как еловые иглы. При каждом шаге волокна ткани шуршали с сухим, бумажным треском, сдирая шею до крови, но Ждан не останавливался. Под его ногами наст хрустел неестественно — со звуком раздавливаемой фарфоровой чашки. Воздух был неподвижным, застывшим, лишенным лесных запахов.

Они обнаружили это место на рассвете, когда погнали псов по следу раненого лося. Зверь ушел вглубь чащи, но дозорные застыли у края просеки. Лес здесь изменил структуру. Вековые сосны не были сломаны бурей — их стволы на три версты вокруг остекленели, превратившись в монолитные, глянцево-черные столбы обсидиана. Мох под ногами выгорел, сменившись мелкой, острой каменной крошкой, которая с визгом резала сыромятную кожу обуви. Это было место падения микрометеоритов — осколков Сварогова железа, пробивших кору Яви задолго до появления первых родовых знаков. Фиолетовый отблеск уходил глубоко под корни мерт-

вой хвои. Одежда Ждана, насквозь пропитанная застойным болотным испарением, покрылась тонкой коркой жесткой кристаллической изморози, которая при каждом перехвате топорища осыпалась с рукавов сухой известковой накипью.

Ждан присел у вывороченного корня обсидиановой ели. В самом центре воронки, на глубине человеческого роста, грунт пузырился тяжелой дегтярной слизью. И прямо посреди этой кипящей жижи лежал кусок черного, неестественно тяжелого металла размером с лошадиную голову. Камень не имел ржавчины, его матовые грани тускло фосфоресцировали глубоким фиолетовым наливом. Ждан ударил по нему обухом костяного топора — инструмент звякнул, кость выкрошилась, не оставив на пришельце из неба ни единой царапины. От металла шло тяжелое, сухое тепло. Рваная рана на его левом запястье, полученная еще при чистке кремниевых скребков, давно гноилась; из-под серого луба кожи сочилась густая, зеленоватая сукровица, пахнущая сепсисом и палой травой, но холод выключил рецепторы плоти.

— Бать, брось его... Слышишь, брось, Христа ради, — сзади подошел его сын, молодой парень с искусанными от холода, потрескавшимися губами. Он испуганно прижимал к груди лук, судорожно оглядываясь на черные стеклянные деревья. — Гляди, псы даже выть перестали. Зубы жмет... У меня челюсть сводит, бать. И у коней из ноздрей черная пена пошла. Дурное место. Уходить надо к ручью Торха. Земля здесь слепая, она нас не видит.

Ждан медленно поднялся, тяжело дыша через рот. Он сплюнул на обсидиановый корень вязкую, горькую слюну от жеваной осиновой заболони. Глянул на сына мутным, налитым свинцовой усталостью взглядом.

— Молчи, малый, — Ждан хрипло закашлялся, утирая рот ладонью. — Куда ты пойдешь? На ручей к Торху голый придешь? Он нас и на край частокола не пустит. У него в землянках младенцы каждую ночь синеют, он чужие рты считать умеет. Нам платить ему нечем. Шкурки куньи его бабы только на онучи порежут. А этот камень... этот камень тяжелый. Я чую, как от него тепло идет. Заверни его в шкуру лося. Перетяни лыком, крепко вяжи. Мы этот кусок Торху на межевой валун вывалим. Пускай подавится, а род наш к очагу пустит. Если не примет — к Борятиным варягам пойдем под ворота. Жрать захочешь — и к мертвецам в нору полезешь. Вяжи, кому говорю.

Сын, мелко дрожа от страха и пронизывающего лесного сквозняка, опустился на колени. Шкура лося была жесткой, примерзшей, она неохотно поддавалась пальцам. Ждан стоял над ним, опираясь на топор, и чувствовал, как глубоко под базальтовой подошвой залома идет ровный, зловещий гул.

Глава 3. Полудница.

Земля трескалась со звуком рвущегося сыромятного ремня. Засуха застряла в вятичской пади на три луны, выпив болотные ручьи до самой ржавой, известковой подошвы. Пшеница на крошечном кулижском поле не созрела — колос почернел, согнулся к сухой колее и покрылся липкой, спорыньевой гнилью. Пахло каленым свинцом, сухой смертью и кислым, перебродившим тестом. Торх сидел на межевом валуне, поджав под себя иссохшие, покрытые серой корой ноги. Его правый глаз был затянут бельмом от постоянного дыма очага, но левый — мутный, расчетливый — смотрел на поле без мистического благоговения. Старейшина был закоренелым прагматиком. Он знал, сколько весит голод. Он знал, сколько сока нужно грунту, чтобы вернуть структуру пашни. Земляная кора разошлась глубокими, рваными зигзагами, обнажая белые, иссохшие известняковые ребра плиты, похожие на расколотые берцовые кости.

Воздух над полем в полдень не просто нагрелся — он сгустился до состояния горячего, дрожащего студня. Перед глазами плавали серые маслянистые пятна. Слепни звенели так сильно, что этот зуммер вибрировал в челюстных костях, вызывая тошноту и глухую, давящую боль в затылке. Из раскаленного марева над пшеницей поднялся силуэт. Это не был дух или

полупрозрачный призрак из сказок будущих попов. Полудница в Эпоху Камня была осязаемой, тяжелой массой из раскаленного зноя, гнилой соломы и серых ребер павшего скота, скрепленных между собой подсохшей сукровицей. Тварь двигалась рывками, ломая сухие стебли с костедробительным хрустом. От ее приближения воздух мгновенно стал удушливым, пахнущим паленым волосом и тухлым костным мозгом. Марево дрожало с частотой пятьдесят герц, передавая инфразвуковую наводку глубоко под почву, заставляя суставы Торха ныть от статического перегруза.

Торх не шевелился. Полудница для него была системной ошибкой ландшафта, миражем голода и теплового перегруза плиты, который косил детей в норах. Но людям нужно было как-то объяснить эту смерть, чтобы не сойти с ума в грязи. Закону межи нужна была понятная форма, пускай даже свитая из гнилой соломы и костей. Справа от валуна, в пересохшем логу, лежал костяк коровы — третья падеж за декаду. Ребра выгнулись серыми сухими дугами, а внутри черепа, где мозг вытек и высох, устроилось осиное гнездо. Тяжелый, низкий гул насекомых сливался со звоном Полудницы. Люди в землянках жрали вареную заболонь ели, смешанную с толченой костью. Их животы раздувались, как кожаные мехи для дегтя, а кожа синела вокруг ногтей. Хронический перегруз среды требовал вывода лишних ртов из системы. На лавках оставалось три туши на двадцать голодных ртов — математика голода требовала жесткой отбраковки шлака. Старейшина хладнокровно прикинул калорийность: если не избавиться от балласта сейчас, к весенней оттепели в пади вымрут все. Логика структуры не знала жалости.

Он видел, как на другом конце поля, у сухого русла ручья, Одоба пытается поднять на ноги Нежу. Девочка была легкой, как сухой прут, ее губы покрылись соляной коркой, а под кожей на шее вздувались мелкие водянистые пузыри. Тепловой удар выжигал плоть младенца быстрее, чем зимняя стужа. Торх мазнул пальцем по шероховатой поверхности валуна. Камень был горячим, как наковальня. Если система требует жертвы для выравнивания потенциала, старейшина даст эту жертву. Жертва не была подарком богам — она работала как принудительный тепловой сброс перегруженного контура.

— Ну чё ты там застыл, как пень горелый? — Торх сплюнул под ноги тягучую желтую жижу от сосновой коры, не поворачивая слепого бельма к подошедшему Одобе. — Волочи девку к лазу, пока Полудница весь частокол не выжгла. Нечего ей тут на солнцепеке дурить.

— Она пить просит, Торх... — Одоба тяжело дышал, удерживая сестру за худые плечи. Его пальцы скользили по ее мокрой от пота коже. — Ручей сухой. В колодце одна ржавчина известковая осталась. Набери бабам из старого залома...

— Из залома? — Торх хрипло, злобно хохотнул, и этот смех перешел в сухой чахоточный кашель. — Из залома ты только гниль болотную наберешь, чтоб младенцы к вечеру кровью ходить начали. Нету воды, отрок. Земля сухая, как череп коровий. Ждан из лесного рода на заставу просится, притащил в шкуре какую-то херню тяжелую, фиолетовую... Но я его людей без цены не пущу. Пускай первенца своего ведет на этот валун до заката. Будем резать под самый комель. Земле кровь нужна, теплая кровь, чтоб эту сушь остудить. А девку твою... девку твою старухи пускай льном обмотают. Ей не пить надо, ей контур заземлить пора, пока нас тут всех заживо не запрессовало. Живее шевелись, щепа. Княжьи люди Боряты уже у бродов коней поят, скоро тут будут.

Одоба смолчал, но его пальцы так крепко сжали дубовое топорище секиры, что сухая кожа на ладонях лопнула, пустив тонкую струйку темной сукровицы.

Глава 4. Треба.

Мир Нежи сузился до размеров темного угла за перегородкой землянки, где пахло сушеной беленой, старым бараньим жиром и мокрыми собачьими шкурами. В темноте норы было трудно дышать: сырой угар от потухшего очага стлался по полу, застревая в волокнах рогожи. Пальцы на руках больше не слушались — Торх велел старухам плотно обмотать запястья жесткими серыми нитями сырого льна. Сырые волокна врезались в мясо, останавливая

кровь, и ладони стали холодными, белыми, как обточенные водой речные ракушки. Страха не было — старуха Малуша с полудня поила её горьким, склизким отваром болиголова и тертой белены. Ядовитый сок выключал рецепторы, подчищая остатки человеческой личности. Память больше не удерживала счет зимам и воспоминания о том, когда солнце в последний раз всходило над кулижкой — мысли путались, замещаясь тупым, мерным гулом, шедшим от земляного пола.

— Лежи тихо, девка, не егози, — прошамкала Малуша, сильно прижимая своими костлявыми, пахнущими гнилой рыбой пальцами плечо Нежи к подстилке. — Твой брат за тебя договорился. Младшего Жданенка из лесу привели, живой пацан, дышит еще. Одоба вместо него под обух пошел помогать. Лежи, контур держи, не ломай нитку. Мокошь два раза узел не вяжет.

Глаза закрылись сами. В мареве отвара привиделся странный, невозможный сон: огромный железный монстр с ревущим дизелем вгрызается зубьями ковша в межевой камень, высекая фиолетовые искры короткого замыкания. Лицо мужчины в серой спецовке — инженера Макара, у которого точно так же, до мяса, были содраны пальцы, а во рту стоял вкус известковой щелочи, — косо проступило сквозь известковый туман. Этот чужой человек из будущего тянул к ней руку сквозь толщу десяти веков, пытаясь разорвать льняные нити на запястьях. Вспышки натриевых ламп ГЩУ две тысячи двадцать шестого года шоркали по слепым векам. Эпохи сливались в один силовой шлейф: кабель-каналы Сити прорастали сквозь ребра зарытого под ногами раба-лесовика.

Сквозь узкие щели между дубовыми плахами перегородки доносились звуки от порога. Там Торх точил костяной нож об обломок серого известняка. Звук был мерным, скользящим: ших-ших-ших. Под полом землянки с сухим хрустом лопнул лед, сковавший грунтовые воды. Этот хруст мешался со звенящим визгом Полудницы на поле. Воздух за перегородкой зверел, как натянутый стальной трос. Трещали сухие сучья под тяжелыми шагами мужчин, тащивших к порогу связанного старшего сына Ждана. Парень не выл — рот был забит сухой соломой и замазан бараньим жиром, сквозь который доносился лишь глухой, утробный хрип задыхающегося тела.

Туго натянутый лен на предплечьях зазвенел в ушах, как натянутая тетива лука. Из пор на пальцах медленно сочилась густая, холодная синева. Навь принимала нервные окончания в свою общую сеть. Старуха в углу зажгла вторую лучину, и тусклый рыжий дым пополз по потолочным жердям, смешиваясь с испарениями болиголова. Голова стала тяжелой, известковой, потерявшей человеческие мысли. Органическая Явь отпускала тело. Настил под спиной мелко, непрерывно завибрировал — Полудница на поле подошла к самому частоколу, замыкая индукционное кольцо. Пространство зафиксировало Нежу как центральный узел сети. Живая термопара. Онемевшие ноги налились свинцовой плотностью, привязывая контур конструкции к базальтовому основанию шурфа. Торх за перегородкой медленно поднялся, перехватывая нож поближе к лезвию.

Глава 5. Науз.

Торх не молился — он работал. Корточки резали сухожилия; старейшина сидел у комля столетней межевой лиственницы, чьи корни уходили в самый глубокий болотный водоносный слой пади. Вокруг пахло сырым льном, дегтем и прогорклым касторовым маслом, которым Торх часами натирал кожаные ремни удил. В воздухе висел плотный, предзимний туман, превращавший вехи тракта в размытые серые пятна, не имевшие четких границ. Каждый вдох отзывался в сырой полуземлянке хриплым свистом — легкие старейшины были забиты угольным нагаром от осиновых костров.

В узловатых руках лежали сырые, еще теплые жилы заколотого накануне под порогом лесовика. Одоба стоял рядом, вдыхая тяжелую смесь псины, кислого застарелого пота и сырости земляного пола, шедшую от старика. Рубаха Торха, сшитая из грубого конопляного посконного полотна, давно прогнила под мышками от постоянной, удушливой влажности; заскорузлая от соли ткань крошилась под пальцами, как сухой березовый луб. Старейшина не смотрел на отрока. Взгляд мутного глаза был прикован к собственным пальцам, к тому, как скользкие, белесые волокна сухожилий ложатся на потрескавшуюся кору дерева.

— Смотри, щепа, — просипел Торх, не разжимая зубов и вытягивая костяным шилом скользкую жилу. — Это не веревка. Это память. Земля слов не понимает. Ей твои «здравствуй» без надобности. Ей мясо нужно. Кровь теплая. А где кровь прошла — там шрам на грунте. Где шрам — там память.

Пальцы, серые и лишенные ногтей после долгой работы со щелочью, двигались медленно, методично, без суеты. Жила ложилась на морщинистую кору лиственницы петля за петлей. Старейшина не просто затягивал узлы — он оставлял между витками волокон зазоры, с силой вбивая туда костяным обушком щепу сухого, просмоленного можжевельника. Твердая древесина клиньев с сухим хрустом раздвигала кору, вгрызаясь в живую заболонь лиственницы. Науз в Эпоху Камня не был мистическим плетением — он работал как жесткий аналоговый носитель информации, первая перфокарта Договора в BIOS ландшафта. Каждое натяжение пенькового волокна, переплетенного с гниющими жилами, фиксировало объем выпитой межой крови. Торх затянул последнюю, третью петлю со звуком рвущейся сыромятной кожи. Тяжелая капля темной, дегтярной крови лесовика сорвалась со стыка и впиталась в пористую кору дерева, мгновенно почернев.

Одоба намеренно изменил шаг плетения. Ненависть к Торху за смерть лесовика и холод в землянке требовала выхода. Пока старейшина кашлял, утирая слепое бельмо грязным рукавом, отрок завязал четвертую, скрытую петлю — инвертированный узел-трикстер. Координация движений подчинялась законам геодезии Нави, которую считывала серая кость предплечья: этот узел не отдавал энергию в общий контур Торхова Перуна, а шунтировал ее в сторону, создавая тайный автономный схрон в корнях. Одоба учился управлять энтропией ландшафта против своих хозяев. Черный угольный узор на ладони при этом движении вздулся, выталкивая сквозь трещины кожи каплю густого, пахнущего озоном дегтярного пота.

В ту же секунду в двадцать первом веке Лера-Матрица внутри ГЩУ под Кремлем судорожно дернулась в своем свинцовом стазисе. Кварцевые структуры её мозга беззвучно приняли этот пакет данных: точные координаты межи, объем выпитой крови, частоту тектонической вибрации почвы. Из памяти стерся последний человеческий файл — воспоминание о море в Коктебеле. Сознание превратилось в пустую операционную систему, запертую внутри релейных шкафов Мосводостока сороковых годов. Контур времени заклинило наглухо.

— Теперь здесь, — Торх пнул комель дуба босой ногой, глухо стукнув по обледенелому корню. — Пока дерево стоит — межа спит. Сгниет дуб — земля потребует новую цену. Запомни это место, щепа. Иди, проверь ров у заставы. Вода пошла черная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.